

ОЖЕРЕЛЬЕ ВСЕЯ РУСИ

Город мой, про тебя
Каждый скажет, кого ни спроси:
Это летопись битв,
Это повесть о судьбах Руси,
Это память веков,
Что вошла в наши дни наяву!

*Н. Рыленков.
1943–1947*

ЩИТ ОТЕЧЕСТВА

КРЕПКОСТОЯТЕЛЬНЫЙ И ПОБОРИТЕЛЬНЫЙ ГРАД СМОЛЕНСК

Вера Суханова

Уже в древности Смоленск называли щитом, ключом-городом к Москве. Наше время как будто приблизило далекое прошлое. Смоленская земля снова стала порубежной. Обзавелась таможней. И на границе с соседней Беларусью шлагбаумы перегородили дороги.

В народном сознании Смоленск всегда оставался исконно русским городом. В дни столетнего юбилея войны с Наполеоном смоленский историк В.М.Вороновский отмечал: «Вступив в Россию, армия Наполеона сначала шла по губерниям Ковенской, Виленской, Гродненской, Минской, Могилевской и Витебской, входившим некогда в состав Польско-Литовского государства (как и Смоленская земля. — В. С.). Литовское и польское население не оказывало сопротивления французам... Могилев был предельным пунктом льготного похода великой армии. За ним началась коренная Русь, и на пути шестивой армии Наполеона резкой гранью залегла граница Смоленской губернии... В коренной русской области русский народ грудью своей загородил дорогу врагу».

То же находим и в фольклоре. В известной исторической песне «Земский собор» московский царь держит совет с боярами — уступать ли ему Смоленск полякам или с сознанием своей правоты отвоевывать. По нраву ему приходится речи боярина Милославского, зажившего на соборе:

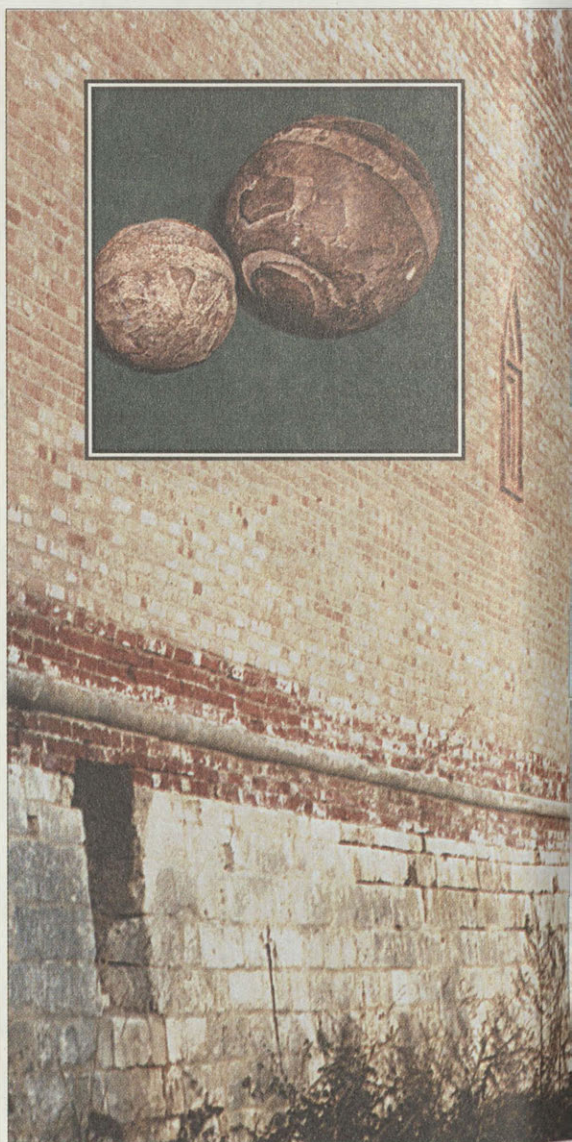
А Смоленец-то ведь город очень крепок,
Во Смоленце золотой казны бесчисленно
Не литовское строенье — московско!

История Смоленска теряется в глубине веков. Мы ведем отсчет с 863 года, когда Смоленск «град велик и мног людьми» был впервые упомянут в Устюжском летописном своде.

В начале XVII века мощная крепостная стена охватила весь город. Дошедшую до нас Смоленскую крепость, шедевр древнерусского оборонительного зодчества, заложил Борис Годунов, строил ее каменных дел мастер Федор Конь, защищал московский боярин, воевода Шейн и иные русские военачальники...

Восточная стена Смоленской крепости с башнями Веселуха и Позднякова. Конец XV—XIX вв.

Пушечные ядра. 1-я половина XVI в. Шведское королевство. Подобными железными ядрами, раскаленными до «бела» на жаровне, армия Шейна обстреливала главную ставку польского короля Владислава IV

Одной из самых трагичных страниц в насыщенной событиями летописи «щита России» стала оборона города в критический момент для истории Московского государства начала XVII века. С нею неразрывна связана судьба смоленского воеводы боярина Шеина.

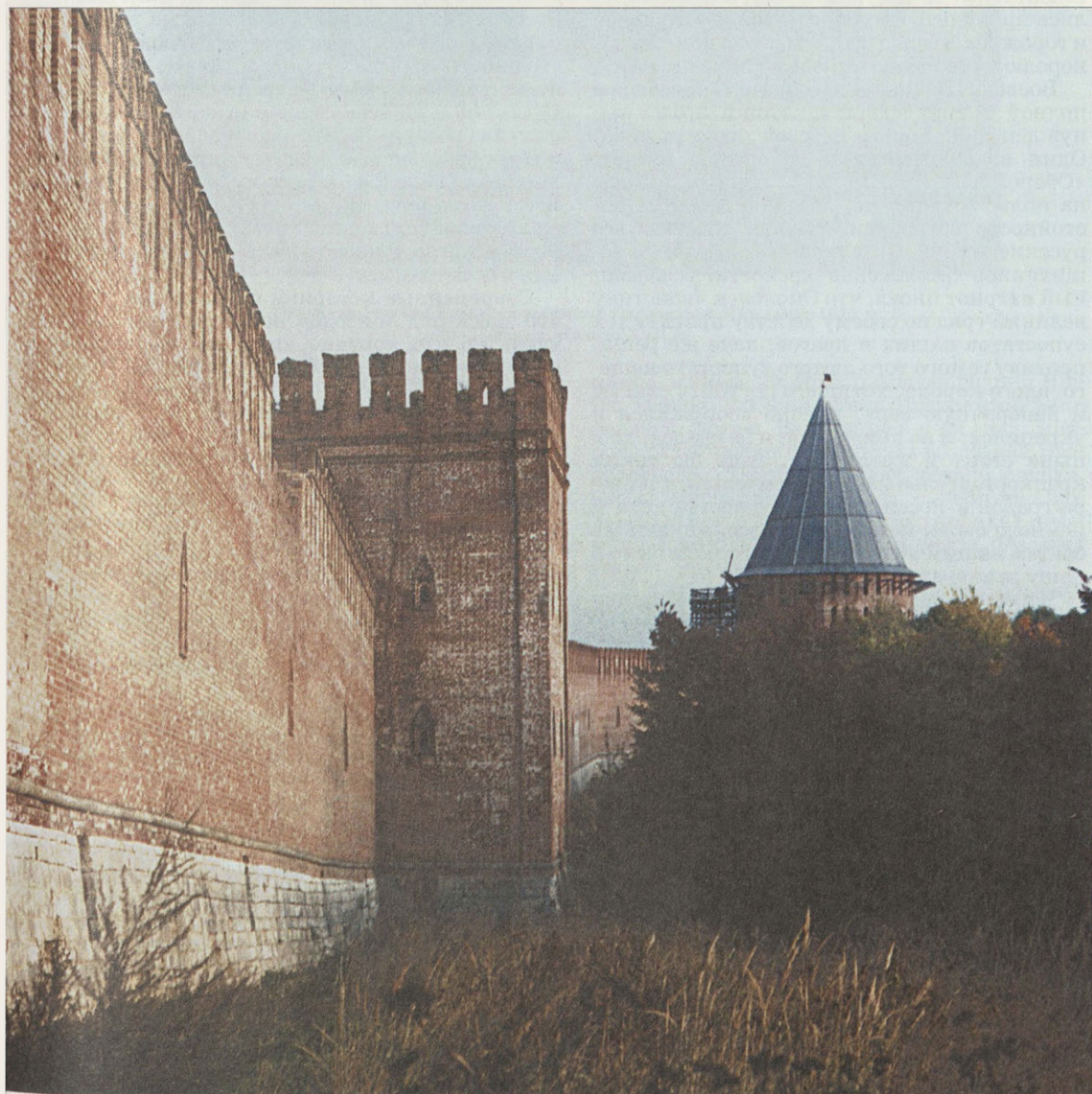
Михаил Борисович Шеин принадлежал к старинному московскому роду. Василий Шуйский пожаловал ему боярство, а в 1608 году назначил воеводой в Смоленск. Сам факт такого назначения свидетельствует о доверии царя к боярину Шеину. Очевидец событий, неизвестный автор «Новой повести о преславном Российском царстве» пишет: «Наш брат, православный христианин, видя свое осиротение и беззащитность, а их, врагов, полное одоление, не смеет иной раз и рта раскрыть, боясь убитым быть, даром от имущества своего отступается и только слезами обливается... Власти же предержажие предали инте-

ресы отечества и русского народа, превратившись из «земледержцев» в «землестебцев», из «правителей» в «кривителей».

Сама по себе Смоленская крепость, шесть верст которой выросло всего за шесть лет, была чудом оборонительного зодчества, надежнейшим заслоном на пути к Москве, и только измена могла открыть неприятелю ее ворота.

Воевода Шеин командовал обороной на протяжении всей двадцатимесячной изнурительной осады, предпринятой польским королем Сигизмундом III. И даже в критический момент, когда под стены Смоленска явилось Великое посольство, чтобы от имени Боярской думы звать на царство польского королевича Владислава, когда в Москву изменниками было впущено польское войско, Смоленск не дрогнул. Город стоял до последнего.

Смоляне хорошо знали, чем грозит им польское владычество. В 1606 году Гришка

Отрепьев дал польскому магнату Мнишеку, отцу своей невесты Марины, грамоту на смоленское княжение, позволив «костелы ставить и монастыри римские».

Смоляне не пожелали признать сына польского короля правителем Русской земли. За непокорность поляки собирались уничтожить Смоленск до основания. Они похвалялись, что «не останется камня на камне, с ним сделается то же, что с Иерусалимом». Условием, выдвигаемым Сигизмундом в переговорах с Великим посольством, прибывшим из Москвы, была неизменная сдача Смоленска. Король получил из Польши конфиденциальное известие о намерении подданных лишить его короны в том случае, если он не добудет Смоленска, и потому Сигизмунд упорно отказывался отпустить сына в Москву до тех пор, пока поляки не войдут в крепость. Послы Сигизмунда и бояре московские, стоявшие за Владислава, то посулами, то угрозами пытались принудить смолян сдаться, но гарнизон и горожане, твердо решили «всем помереть, а королю и его панам отнюдь не поклониться».

Воевода Шеин, таким образом, оказался в полной политической изоляции и был вынужден действовать на свой страх и риск. Один из современных историков пишет: «Оборонявшийся Смоленск веригами повис на польской армии». Молва о несгибаемой стойкости и героизме смолян облетела все русские земли. Восхищенный подвигом защитников Смоленской крепости, безымянный патриот писал, что Смоленск «воистину великий град по своему действию противу тех супостатов наших и врагов, паче же рещи, противу самого того лютого супостата нашего, злого короля, хотящего погубить святую и непорочную веру, крепко вооружился и укрепился, и не покорился, и не сдался, да и ныне стоит и крепится... Аще бы таких крепкостоятельных и поборительных по вере градов в Российском государстве хотя и немного было, не токмо что все, никакже бы тем нашим врагом и злым волком было в нашу землю вход».

Чтобы поддержать воинскую дисциплину в тяжелейших условиях осажденной крепости, воевода Шеин прибегал к суровым мерам. Пожалуй, именно он впервые в истории русской армии ввел практику наказания смертной казнью, в частности, за неявку на караульное дежурство (дворяне вместо себя посылали подчас на крепостную стену своих слуг).

Польский офицер С. Маскевич участник осады Смоленска 1609–1611 годов писал: «Смоленские стены выведены опытным инженером так искусно, что при них под землей находятся тайные ходы, где все слышно, куда ни проводили подкопы. Пользуясь ими, москвитяне подрывались из крепости под основание стен и либо встречались с нашими, либо подводили мины под наши подкопы и, взорвав оные порохом, работы истребляли, а людей захватывали и душили землей».

К 1611 году из-за мора и боевых потерь в крепости оставалось менее четырехсот мужчин, способных держать в руках оружие. На

их долю выпало охранять всю крепостную стену, протяженностью шесть с половиной километров! Силы защитников истощались с каждым днем, запасы продовольствия и боеприпасов быстро таяли. Участь «крепкостоятельного» града была предрешена.

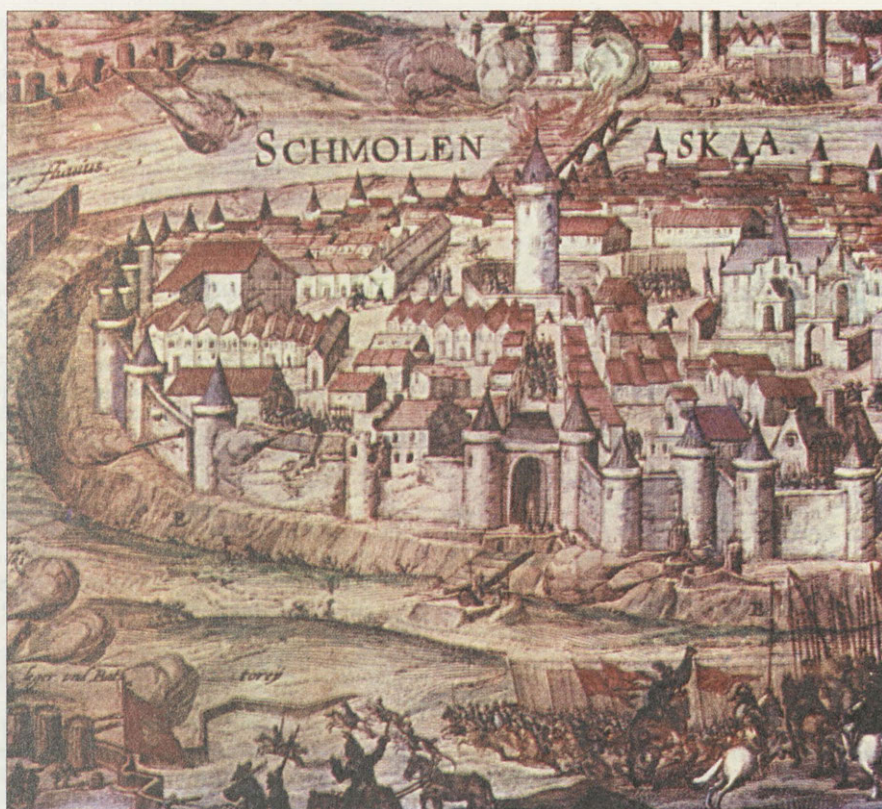
В самом начале июня поляки предприняли решающий штурм, ударив одновременно с нескольких сторон. Неприятель ворвался на улицы города, где завязалась ожесточенная схватка. Эти последние героические часы защитников Смоленска с патетикой описал Н. М. Карамзин в «Истории государства Российского»: «Бились долго в развалинах, на стенах, на улицах города при звуке всех колоколов и святом пении в церквах, где жены и старцы молились. Ляхи, везе одолевая, стремились к главному храму Божьей Матери, построенному Мономахом, где заперлись многие из горожан и купцов с их семействами, богатством и пороховою казною. Уже не было спасения. Русские зажгли порох и взлетели на воздух вместе с детьми, именем и славою... От страшного взрыва, грома и треска неприятель оцепенел, забыв на время свою победу и с ужасом видя весь город в огне, в который жители бросали все, что имели драгоценного, и сами бросались, чтобы оставить неприятелю только пепел, а любезному отечеству пример добродетели. На улицах и площадях лежали груды сожженных тел... Не Польша, но Россия могла торжествовать сей день, великий в ее летописях».

Современные историки сходятся на том, что здесь ряд эпизодов носит легендарный характер, что, конечно, несколько не умаляет подвига смолян. Собор, возведенный Владимиром Мономахом в 1101 году, действительно был разрушен в результате взрыва погребов с порохом и селитрой, расположенных в толще холма. Большинство защитников города и жителей, оказавшихся в осадном сидении, действительно не сдались на милость врага.

Воевода Шеин, засев с горсткой пушкарей и стрельцов в Коломенской башне крепости, упорно отбивался от неприятеля. Стойкость смоленского воеводы вызвала восхищение даже у неприятеля, польский хронограф назвал Шеина «русским Гектором», уподобив тем самым Смоленск древней Трое. И лишь после того, как стала очевидна безвыходность положения, он, поддавшись на уговоры плененных жены и малолетнего сына, прекратил сопротивление.

Боярин Шеин был жестоко пытан врагами, — у него хотели получить сведения о богатой смоленской казне, слухи о которой ходили в польском стане. Ничего не добившись, они заковали воеводу в «железы» и вместе с семьей отправили в польский тыл. Туда же, по Днепру, прямо из-под стен Смоленска был доставлен и глава московского Великого посольства митрополит Филарет, в миру Федор Никитич Романов.

После захвата Смоленска в город начали прибывать униаты и католики. Большие прайва при польских властях получил орден бази-

Осада смоленской крепости войсками Сигизмунда III в 1609–1611 гг.
Гравюра. Начало XVII в.

лиан-униатов, а также иезуитов и доминиканцев. Они по-хозяйски распоряжались в Смоленске. Знаменитый Авраамиевский монастырь преобразовали в доминиканский кляштор, уничтожили святые мощи преподобного Авраамия, увезли в Польшу православные иконы и церковную утварь. Военачальник Януш Радзивилл вывез из Смоленска, а затем продал в Кенигсбергскую библиотеку великолепно иллюстрированную красочными миниатюрами летопись. История порой бывает несправедлива — этот памятник древнерусской письменности теперь известен как Радзивилловская летопись — по имени человека, укравшего ее и памятного настолько непомерной жестокостью, что в смоленских деревнях и сегодня его именем страшат непослушных детей.

Михаил Шеин провел в плену около восьми лет. Он жил с женой и дочерью в Слонимском повете, вотчине польского канцлера Льва Сапеги. Его сына держали в Варшаве. Филарет пошел в виленский дом Сапеги, который стал его «личным приставом». Участь пленников сблизил бывшего смоленского воеводу и будущего русского патриарха. В 1613 году на московский престол был избран шестнадцатилетний сын Федора Никитича, Михаил Романов. А в 1618 году по Деулинскому соглашению, Москва добилась освобождения отца молодого царя, а с ним — и других русских плен-

ников, в числе которых оказался боярин Шеин. Однако уступила Речи Посполитой Смоленскую землю. Вернувшись в Москву, митрополит Филарет фактически возглавил правительство. Патриарх ждал только случая, чтобы осуществить замысел — вернуть Смоленск. И когда в 1632 году умер король Сигизмунд, и в Польше воцарилась смута, Филарет решил, что час пробил.

К Смоленску снарядили тридцатитысячную рать, во главе которой, по совету отца, царь Михаил Федорович поставил боярина Шеина, памятуя о его былых заслугах и учитывая его хорошее знание местности, да и самой Смоленской крепости. На этот раз боярину предстояло брать ее штурмом.

Вместе с Шеиным командовать войском был назначен окольный Артемий Измайлов. Войско в значительной части состояло из иноземных наемников. И русских солдат обучали иноземному строю...

За год до Смоленской войны, в январе 1631 года, полковник Александр Лесли, выходец из Шотландии, был послан в Европу для вербовки наемников в русское войско. Он успешно справился с этой задачей, доставив в Москву пять тысяч добровольцев, — в основном из Швеции, Дании и Голландии. Заметим, что московское правительство охотно брало на военную службу православных (греков, сербов, волохов, молдаван), мусульман и протестан-

тов, но решительно отказывалось от услуг католиков, рассматривая их как злейших врагов православной веры.

Начало похода было успешным. В октябре 1632 года были заняты Серпейск и Дорогобуж, а в начале декабря Смоленск взяли в кольцо. С запада от города расположились отряды князя Прозоровского, иноземцев-полковников Кита, Дамия и Губерта. К югу расположился неустрашимый полковник Лесли, с севера за Днепром был разбит лагерь полковника Матиссона, занимавшего всю Покровника гору, с которой хорошо просматривалась крепость. Базовый лагерь обоих воевод — Шеина и Измайлова — был устроен с восточной стороны. Эта местность до сих пор носит название Шейновка, здесь до наших дней сохранились остатки земляных укреплений.

Московское войско поставило в предместьях остроги с теплыми избами, насыпало валы, возвело частоколы, вырыло шанцы.

Осада продолжалась долгих десять месяцев. Сначала ничто не предвещало катастрофу. С марта 1633 года, когда, наконец, подошли «наряды», — тяжелые осадные орудия, начались штурмы Смоленской крепости. Особенно яростные бои разгорались на участке между Никольскими и Молоховскими воротами, где, как говорили очевидцы, осадные пушки палили по шестьсот раз на день. В результате подкопов и обстрелов было разрушено несколько башен, но поляки умело держали оборону. В дневнике польского хронографа, очевидца тех драматических событий, читаем:

«17 апреля, в день св. Марка, русские в час ночи ходили на приступ к пролому в стене и сожгли крышу малой башни; у них кроме того было пять плотов со смоляными бочками, лучиной и четыре петарды, чтобы разрушить мост; делали они приступ и к валу...

6 июня. В 12 часов по полуночи русские сделали сильный приступ к двум проломам и к трем разбитым башням. Приступ этот продолжался до следующей полуночи, но по милости Божией без успеха. Убит пехотный ротмистр Рам. Русские овладели было двумя башнями, но наши одних из них вытеснили холодным оружием, а других огнестрельным.

20 июня. В первом часу после полудня русские взорвали миной круглую башню, первую от Молоховских ворот, ту, которая на крае стены и выступает из ее окружности». (Сейчас на этом месте возвышается живописный вал, который смоляне до сих пор величают Шейновым бастионом.)

У осажденных кончались продовольствие, порох, ядра. От перебежчиков Шеин знал, что крепость вот-вот должна сдаться. Но к лету 1633 года политическая ситуация в Польше вновь стабилизировалась, сын Сигизмунда Владислав занял польский престол и сразу же снарядил двадцатитрехтысячное войско на выручку осажденному гарнизону Смоленска. В августе ситуация резко изменилась в пользу поляков.

Первым пал лагерь Матиссона, прикры-

вавший переправу через Днепр. В польском дневнике читаем: «Остались на месте только Шеин и другой главный вождь, охранитель и начальник над всеми орудиями, Лесли... Их наемные воины — французы, итальянцы, немцы, татары, турки и других народностей пришлецы... эти последние добровольно покорились нашему светлейшему королю и переписали свои имена».

Опасаясь, что его войско будет разбито по частям, Шеин снял блокаду, и сосредоточил все силы в базовом лагере в восточном предместье города. Сюда свезли орудия. Не желая смириться с поражением, в середине сентября Шеин предпринял наступление на главный лагерь Владислава. Оно оказалось крайне неудачным из-за повального дезертирства наемников. Как записано в польском дневнике: «Многие голландцы, французы, немцы, шотландцы и другие переходили к нам в большом количестве; несколько знамен неприятеля были вручены королю».

Противник запер Шеина с остатками московского войска в базовом лагере, превратив русских воинов из осаждающих в осажденных. Началась тяжелая, голодная, изнурительная оборона: в осенне-зимнюю пору, под открытым небом, при больших нехватках продовольствия и боеприпасов.

В чем же был просчет опытного воеводы? Его тактика, предполагавшая затяжную осаду польского гарнизона, была рассчитана на двузначное русское мужика, но никак не на наемника, не желавшего терпеть лишения длительной военной кампании. Когда фортуна улыбнулась Владиславу, иноземцы начали толпами переходить на его сторону.

Из стана Шеина к королю переметнулись лишь восемь русских воинов, из них — шесть донских казаков. Покинули московское войско и многие малороссы, причиной их бегства было вполне понятное желание защитить свои вотчины и семьи: крымские татары «многие города на Украине повоевали и пожгли; а дворяне и дети боярские украинских городов, видя татарскую войну, слыша, что у многих поместья и вотчины повоеваны... из-под Смоленска разъехались, и остались под Смоленском немногие люди».

Справедливость требует сказать, что не все наемники оказались малодушными и корыстными людьми. Так, шотландец Александр Лесли, уличив англичанина Сандерсона в измене, застрелил его на глазах Шеина. Позже полковник Лесли связал свою судьбу с русской землей, вместе с семьей принял православие и стал родоначальником смолянского дворянского рода. В войну с Наполеоном его потомки братья Лесли еще до подписания Александром I известного манифеста, призвавшего создавать отряды самообороны и народного ополчения для борьбы с французами, сформировали первый партизанский отряд. Возглавив его, они сражались с захватчиками на Смоленщине и Витебщине...

Шеин не сразу согласился на капитуляцию. Он заявлял, что лучше встанет на пуш-

ку и взорвет себя, чем примет такой позор. Но иностранные командиры через голову Шеина сговорились с поляками. Тем самым принуждали воеводу послать гонца к королю Владиславу с вестью о готовности сдать-ся. 19 февраля 1634 года состоялась капитуляция. Остатки московского войска в количестве восьми тысяч человек вышли из лагеря. Многие из них были больны и умерли по дороге или же остались в Вязьме и Можайске. Вот как об этом пишет историк С. М. Соловьев: «Русские выступили из острога со свернутыми знаменами, с погашенными фитилями, тихо, без барабанного боя и музыки; поравнявшись с тем местом, где сидел король на лошади, окруженный сенаторами и людьми ратными, русские люди должны были положить все знамена на землю, знаменосцы отступить на три шага назад и ждать, пока гетман, именем королевским, не велел им поднять знамена; тогда, поднявши знамена, запаливши фитили и ударивши в барабаны, русское войско немедленно двинулось по Московской дороге, взявши с собою только 12 полковых пушек, по особенному позволению короля; сам Шеин и все другие воеводы и начальные люди, поравнявшись с королем, сошли с лошадей и низко поклонились Владиславу, после чего, по приказанию гетмана, сели на лошадей и продолжали путь». Войско Москвы было отпущено, но позор поражения стал национальной трагедией...

Поражение в Смоленской войне грозило взорвать изнутри сложную политическую ситуацию в стране, преодолевающей последствия Смутного времени. В Москве воеводу ждала суровая встреча. Шеин был обвинен во многих допущенных ошибках и даже в изме-

не. На беду, в октябре 1633 года, скончался его могущественный покровитель, патриарх Филарет...

Слово «измена» в адрес Шеина и Измайлова родилось не в верхах. Его произносили ратные люди еще под Смоленском, пытаясь найти объяснение постоянным неудачам, преследовавшим их в злосчастном походе. Это слово подхватил на Москве бедствующий люд из-за недовольства поражением московского войска под Смоленском. По словам посла Адама Олеария, в стране «грозило вспыхнуть всеобщее восстание». Неурядицы и бедствия могли бросить тень на царя, а то и повлечь за собой новую смуту. Лишь казнь боярина Шеина могла предотвратить назревавший мятеж, дав народу «удовлетворение». И боярская дума вынесла ему смертный приговор.

По свидетельству того же Олеария, воевода знал, что стал жертвой политического расчета. Причем, будто бы ему втайне было обещано помилование, лишь бы он «без вреда другим» согласился на мнимую казнь. От осужденного требовалось лишь положить голову на плаху. Но боярина якобы ловко провели, казнь оказалась не мнимой, а самой что ни на есть настоящей...

Боярская дума, как и любой царский двор, кишела завистниками и интриганам. И они не преминули былую славу отважного военачальника, преданного своему Отечеству, повергнуть в бесславие.

А Смоленск, за который сложил голову боярин Шеин, навсегда был возвращен России в 1654 году, что было закреплено в 1667 году в положениях Андрусовского перемирия и подтверждено условиями «Вечного мира», заключенного Россией с Польшей в 1686 году.

Остатки земляных укреплений периода осады Смоленска в начале XVII в. Это восточное предместье города, которое называют Шейновка. Здесь с декабря 1632 г. базировался лагерь воевод Шеина и Измайлова